

Метафизика власти: генезис и самоотрицание архетипа

Ушаков Денис Сергеевич,

доктор экономических наук,

ассоциированный профессор, Университет Суан Сунанда Раджабат,

1 У-Тхонг Нок рд., 10300, Дусит, Бангкок, Таиланд

ORCID: 0000-0001-6413-6116

denis.se@ssru.ac.th

Аннотация

Настоящая статья обосновывает необходимость «метафизического поворота» в исследовании феномена власти, интерпретируя ее не как производную социальных отношений, а как первичный трансгисторический архетип, укорененный в экзистенциальной реакции Dasein на изначальный Ужас перед неструктурированностью бытия. Методологическим базисом работы выступает авторская модель, постулирующая динамическое равновесие между тремя имманентными началами: Порядком (начало формализации), Энергией (сакральность и легитимность) и Диаференсисом (источник спонтанности и обновления). Автор доказывает, что жизнеспособность любой властной системы определяется соприсутствием и взаимным напряжением этих начал, тогда как историческая эволюция власти предстает как процесс прогрессирующего нарушения триадического баланса. В работе диагностируется современный системный кризис как «метафизический психоз» архетипа, характеризующийся болезненной автономизацией Порядка в форме самореферентной алгоритмической процедуры и полной инструментализацией Энергии через механизмы негативной идентификации против конституированного Другого. Данная дезинтеграция верифицируется на примерах современных политических режимов: технократического авторитаризма (абсолютная гегемония Порядка), плюралистической аномии (распад Энергии на партикулярные аффекты) и гибридных моделей (параноидальный симбиоз). Финальная фаза эволюции концептуализируется как становление «Власти-как-Интерфейса» – безличного алгоритмического протокола, в котором власть окончательно растворяется в инфраструктурной предопределенности среды. Этот этап знаменует исчезновение субъекта власти и ее метафизическое самоотрицание через достижение тотальной операциональности при абсолютной смысловой пустоте. В заключении обосновывается необходимость трансформации социальной онтологии – реабилитации Диаференсиса как признания приоритета становления и творческого потенциала над статичным контролем. Это открывает путь к новым, хрупким формам сингулярного со-бытия, спо-

собным удерживать напряжение между порядком и свободой без подавления жизни. Работа резюмирует, что будущее за пределами алгоритмического Интерфейса принадлежит не новому Левиафану, а самоорганизующимся сообществам, восстанавливающим онтологическое первенство различия над тождеством в условиях современной глобальной неопределенности человеческого бытия.

Ключевые слова: метафизика власти, архетип власти, алгоритмическое управление, легитимность, самоотрицание власти, анонимность власти, социальный протокол, экзистенциальный ужас, социальная энтропия, власть-как-интерфейс.

The Metaphysics of Power: Genesis and Self-Negation of the Archetype

Denis Ushakov,
Dr. Sc. (Economics),
Associate Professor, Suan Sunandha Rajabhat University,
1 U-Thong Nok Rd., Dusit, Bangkok 10300, Thailand
ORCID: 0000-0001-6413-6116
denis.se@ssru.ac.th

Abstract

This article substantiates the necessity of a 'metaphysical turn' in the study of the phenomenon of power, interpreting it not as a derivative of social relations, but as a primary, transhistorical archetype rooted in the existential reaction of Dasein to the primordial Horror before the unstructured nature of being. The methodological basis of the work is the author's triadic model, which postulates a dynamic equilibrium between three immanent principles: Order (the principle of formalization), Energy (sacrality and legitimacy), and diapheresis (the source of spontaneity and renewal). The author argues that the viability of any power system is determined by the co-presence and mutual tension of these principles, while the historical evolution of power appears as a process of progressive disruption of the triadic balance. The article diagnoses the contemporary systemic crisis as a 'metaphysical psychosis' of the archetype, characterized by the pathological autonomization of Order in the form of self-referential algorithmic procedure and the complete instrumentalization of Energy through mechanisms of negative identification against a constituted Other. This disintegration is verified through examples of modern political regimes: technocratic authoritarianism (absolute hegemony of Order), pluralistic anomie (disintegration of Energy into particularistic affects), and hybrid models (paranoid symbiosis). The final phase of evolution is conceptualized as the emergence of 'Power-as-Interface' – an impersonal algorithmic protocol in which power ultimately dissolves into the infrastructural predetermination of the environment. This stage signifies the disappearance of the subject of power and its metaphysical self-negation through the achievement of total operability amidst absolute semantic emptiness. In conclusion, the necessity of social ontology transformation is substantiated – the radical rehabilitation of diapheresis as the

recognition of the priority of becoming and creative potential over static control. This opens the way to new, fragile forms of singular co-being, capable of sustaining the tension between order and freedom without suppressing life. The work concludes that the future beyond the algorithmic Interface belongs not to a new Leviathan, but to self-organizing communities that restore the ontological primacy of difference over identity in the conditions of contemporary global uncertainty of human existence.

Keywords: metaphysics of power, archetype of power, algorithmic governance, legitimacy, self-negation of power, anonymity of power, social protocol, existential horror, social entropy, power-as-interface.

Библиографическое описание для цитирования:

Ушаков Д.С. Метафизика власти: генезис и самоотрицание архетипа // Идеи и идеалы. – 2026. – Т. 18, № 3, ч. 1. – С. 223–242. – DOI: 10.17212/2075-0862-2026-18.3.1-223-242.

Ushakov D. The Metaphysics of Power: Genesis and Self-Negation of the Archetype. *Idei i idealy = Ideas and Ideals*, 2026, vol. 18, iss. 3, pt. 1, pp. 223–242. DOI: 10.17212/2075-0862-2026-18.3.1-223-242.

Введение. О необходимости метафизического поворота в анализе власти

Феномен власти, достигнув в технологическом измерении начала XXI века апогея инструментального могущества, демонстрирует при этом парадоксальный и тотальный кризис своего содержательного, смыслового и легитимационного измерений. Его операциональные возможности – контроль, прогнозирование, формирование среды – стали беспрецедентно тотальны, в то время как его субстанциальные основания – субъектность, легитимность, телеология – подверглись радикальной эрозии, приводя к состоянию, которое можно определить как системную аномию при тотальной операциональности.

Существующий корпус исследований, фиксируя симптомы данного коллапса – будь то в диалектике Разума и Воли (Гегель), в анализе борьбы интеллектуальных и аффективных аппаратов (элитология, психология масс), в констатации кризиса представительной демократии или в теориях постправды, – остается, однако, в плену имманентных социально-политических или психологических категорий, не способных вскрыть онтологические истоки наблюдаемого распада. Данная работа исходит из тезиса о принципиальной недостаточности подобных подходов и предлагает метафизический поворот в исследовании власти, рассматривая ее не как производную социальных отношений или рационального договора, а как первичный, трансисторический архетип, укорененный в самой структуре человеческого бытия-в-мире.

Исходная гипотеза настоящего исследования заключается в следующем: власть рождается как экзистенциальный ответ на изначальный Ужас (Angst) перед неструктурированной стихией бытия, перед тем, что М. Хайдеггер, определяя фундаментальное настроение человеческого Dasein, именует «голой фактичностью брошенности в мир». «Ужас, – пишет Хайдеггер, – приоткрывает Ничто... В ужасе “земля уходит из-под ног”. Точнее: ужас уводит у нас из-под ног всякую почву. Отпатываясь от... ужас несет с собой отпатывание от... т. е. отступление сущего в целом» [15, с. 284].

Именно это переживание радикальной безосновности, а не прагматические потребности организации, полагаем мы, является утробой, в которой кристаллизуется архетип власти. Его имманентной и непреложной целью становится тотальная борьба с этим Ужасом через утверждение Порядка, что с необходимостью предопределяет его фундаментальный вектор на обезличивание и тотализацию контроля.

Мы полностью согласны с тем, что для отдельного Dasein Ужас есть возможность освобождения от власти das Man. Однако сознательно смещаем фокус, исследуя не экзистенциальный выбор индивида, а коллективно-бессознательный механизм рождения социального архетипа. В этом измерении реакция на Ужас принимает форму не личного мужества *быть*, а массового бегства в тотальную объективацию. Власть как архетип и есть институционализированная форма этого бегства – не путь к подлинности, а системное воплощение неподлинности, возведенное в ранг социального порядка. Мы не противоречим Хайдеггеру, а применяем его онтологический диагноз к иному объекту: не к бытию-к-смерти, а к бытию-к-господству, рожденному из коллективной неспособности вынести бремя свободы перед Ничто.

Ужас перед безосновностью не исключает иные экзистенциалы (воля, признание, игра), но выступает для них структурирующим условием, со-общая власти ее специфически негативную телеологию: не утверждение, а защиту; не экспансию, а ограждение от Хаоса. Воля к расширению становится инструментом укрепления Порядка, стремление к признанию – ресурсом для Энергии легитимности, игровое начало либо ритуализируется, либо подавляется как угроза. Именно Ужас объясняет обезличенность и тяготение к тотальному контролю как сущностные черты власти, превращая иные антропологические силы в функциональные элементы системы, рожденной из слабости.

Таким образом, история власти предстает не как прогрессивная эволюция форм господства, а как трагическая «метафизическая одиссея», движимая изначальным страхом и ведущая, в силу своей имманентной логики, к системному кризису и самоотрицанию.

Методология. Триади́ческая модель архетипа власти

Для преодоления ограниченности диалектических и дуалистических (воля/разум, сила/легитимность) моделей вводится и обосновывается авторская триади́ческая модель архетипа власти. Мы утверждаем, что устойчивость и жизнеспособность власти как системы определяется не борьбой и подавлением одного начала другим, а динамическим равновесием между тремя взаимозависимыми и имманентными ей началами:

1. *Порядок* как начало структурирования, кристаллизации, формализации. Это не просто совокупность законов или институтов, но метафизический принцип, направленный на упразднение случайности, установление иерархии, проведение границ, создание предсказуемой и воспроизводимой реальности. Его онтологическая функция – противостояние Хаосу как чистому становлению без формы. В социальном измерении Порядок воплощается в праве, государственном аппарате, бюрократической процедуре, алгоритмическом протоколе.

2. *Энергия* как начало легитимности, сакральности, аффективной связи. Это не ресурс в утилитарном смысле, но метафизический потенциал, обеспечивающий систему «жизненной силой», верой в ее сверхъестественное или сверхрациональное основание. Энергия трансформирует голое принуждение Порядка в признанную власть. Она питается харизмой, традицией, верой в миссию, народной любовью или страхом, обретая форму в ритуале, символе, идеологии. М. Вебер, выделяя три чистых типа легитимного господства (харизматическое, традиционное, легальное) [3, с. 134], по сути, анализировал различные модальности и источники этой Энергии.

3. *Диаференсис* как ключевое и наиболее уязвимое начало модели требует особого обоснования. Термин заимствуется из греческого *διαφορά* (различие, разделение, различение) и понимается нами не в узко логическом смысле, а как имманентный источник спонтанности, творческого потенциала, события и обновления системы. Диаференсис – это не внешний Хаос-угроза, а внутренний Хаос-возможность, то, что Ж. Делёз, вслед за А. Бергсоном, мог бы назвать «виртуальным» в составе актуальной системы – резервуаром нереализованных потенциалов, из которого черпается сила для метаморфозы [5]. От делёзовского «виртуального» мы заимствуем онтологический статус имманентного источника возможностей.

Однако «виртуальное» у Делёза носит всеобъемлющий и, в определенном смысле, позитивный характер, это субстанциальное начало творчества. В нашей модели Диаференсис выполняет более узкую, но критически важную системную функцию. Он понимается не как универсальная онтологическая категория, а как специфический структурный элемент архетипа власти – имманентное начало, чья роль заключается в генерации

неопределенности, события и новизны, которые являются необходимым, но и потенциально дестабилизирующим условием для обновления систем Порядка и Энергии.

Диаференсис – это не просто виртуальное вообще, а виртуальное в его системно-функциональном аспекте сопротивления окостенению и энтропии.

Одновременно от дерридианской *différance* [16] мы берем логику несводимости к позитивности. Диаференсис также не является чем-то сущим, что можно схватить; он проявляется в эффектах различия, разрыва, сбоя. Однако если *différance* – это условие возможности смысла и языка как такового, то Диаференсис в нашей модели – это условие возможности трансформации конкретной социально-политической системы (архетипа власти). Он локализован в логике системы, а не в основании семиозиса.

Предлагаемая модель находит свои основания в ряде философских традиций, которые, однако, акцентировали лишь отдельные ее полюса. Так, платоновско-гегельянская традиция абсолютизирует Порядок (Логос, Идея, Разум) как подлинную реальность, а становление и различие рассматривает как несовершенную производную. Ницшеанско-батаевская линия, напротив, делает центральным аффективную, жертвенную, экстатическую Энергию («волю к власти» [10, с. 129], «суверенность»), видя в формальном порядке лишь ее окостеневшую оболочку. Наконец, философия различия (Деррида, Делёз) выдвигает на первый план Диаференсис как производящее начало самой реальности, где любая идентичность и порядок есть временный эффект дифференцирующих сил.

Наша модель утверждает их равноисходность и необходимое со-присутствие в архетипе власти. Динамическое равновесие между ними – условие жизнеспособности. Нарушение баланса, доминирование одного начала и подавление другого (прежде всего Диаференсиса) ведет к патологиям и системному кризису, эмпирические проявления которого будут рассмотрены далее.

Утверждение о «равноисходности» Порядка и Диаференсиса требует отдельного прояснения механизма их сосуществования. Мы предлагаем понимать его не как статичный синтез или гармонию, а как перманентный процесс диалектического взаимоограничения, где синтез принципиально отложен. Порядок не может полностью упразднить Диаференсис, ибо именно последний является источником негэнтропийного потенциала, необходимого для адаптации системы к изменчивой среде. Полное устранение Диаференсиса ведет к окостенению и коллапсу Порядка (что и демонстрирует финал эволюции). Диаференсис, в свою очередь, не может полностью растворить Порядок, ибо нуждается в временной кристаллизации своих потенций в устойчивые формы (структуры, институты,

правила), чтобы быть социально признанным и действенным. В терминах Н. Лумана это парадоксальное единство различия: система должна одновременно поддерживать свою идентичность (Порядок) и постоянно ее изменять (Диаференсис), чтобы сохраняться во времени [8, с. 76].

Таким образом, баланс триады – это не состояние, а неустойчивое, динамическое отношение взаимного полагания через отрицание. Энергия (легитимность) в этой схеме выступает медиатором и мерой напряжения: она питается как от стабильности Порядка, так и от обновляющей силы Диаференсиса. Исторические формы власти – это конкретные, всегда несовершенные, способы институционального связывания этого напряжения (через ритуал, право, идеологию), которые, стремясь к стабильности, неизбежно склоняются к подавлению одного из полюсов, запуская цикл кризиса.

Феноменология субстанциализации власти

Рассмотрим экспликацию имманентной логики развития архетипа власти в его историко-феноменологическом развертывании. Центральным объектом анализа выступает генезис безличности – процесс трансформации властной интенции из акцидентального атрибута эмпирического субъекта в самореферентный субстанциальный принцип, трансцендирующий своих темпоральных носителей. Настоящий переход детерминирован не конвенциональными факторами или рациональным выбором, но системной необходимостью нейтрализации экзистенциальной неопределенности и энтропии социального бытия.

Онтологическая нестабильность власти, фундированной исключительно в индивидуальных качествах отдельного *Dasein* (физических, интеллектуальных или харизматических), осознавалась как критическая уязвимость социальной структуры. Биографическая конечность и психофизическая лабильность носителя создавали постоянную угрозу регрессии к состоянию неструктурированного Хаоса. Следовательно, логика самосохранения системы требовала снятия акцидентальности через механизмы объективации и отчуждения. Л. Фейербах сформулировал универсальный принцип подобной проекции, применимый к генезису надличностной власти: «Бог есть спроецированная вовне сущность человека, его отчужденные могущество и знание» [12, с. 32–33]. В рамках данной модели власть гипостатизируется в автономную сущность, обретая квазитрансцендентный статус и элиминируя зависимость от биографических флуктуаций.

Процесс объективации реализуется посредством двух коэволюционных векторов, образующих диалектическое единство.

Сакрализация как метафизическая легитимация. Сакрализация представляет собой операцию семиотического закрепления Порядка через его

отсылку к трансцендентным основаниям (теологическим или космологическим). Как демонстрирует М. Блок, феномен «сакральности» не является внешним дополнением, но выступает конституирующим условием властного отношения: вера в сверхъестественные prerogatives власти была созданием коллективного воображаемого, принятого правителем как функциональная роль [1, с. 89]. В этой конфигурации Энергия (в форме аффективной преданности и метафизического трепета) переориентируется с эмпирического индивида на безличный символ, который он репрезентирует.

Критическая точка данной системы фиксируется в моменте преемственности: ритуал перехода власти должен быть мгновенным и безупречным, дабы подтвердить, что физическая гибель носителя («король как акциденция») не затрагивает непрерывность субстанции власти — *dignitas* [6, с. 215].

Институционализация как структурная материализация. Параллельно метафизическому обоснованию происходит процесс материальной рационализации власти через формирование формализованных структур. Согласно Макс Веберу, легитимность традиционного типа господства базируется на «вере в святость издревле существующих порядков» [3, с. 218]. Институциональный аппарат (бюрократия, кодифицированное право, регламентированные процедуры) начинает функционировать по принципу *Sachlichkeit* (объективности), превращаясь в материальный носитель субстанциальной власти. В этой стадии развития, как отмечает Н. Луман, власть окончательно утрачивает статус атрибута субъекта, становясь «распределением вероятностей в рамках комплексных социальных отношений», где индивид низводится до функционального «пункта приписывания» коммуникации, необходимого для стабилизации системных алгоритмов [8, с. 78]. Таким образом, институциональная объективация завершает процесс отчуждения власти, обеспечивая ее историческую жизнеспособность за счет окончательного вытеснения личностного начала системной функцией.

Генезис принципа безличности в политической антропологии следует квалифицировать не как стохастический исторический процесс, но как реализацию имманентной телеологии социального архетипа, детерминированного необходимостью нейтрализации энтропийных факторов. Результатом данной эволюции становится институционализация власти как самореферентной субстанциальной системы, в рамках которой элементы предложенной триады обретают специфическую функциональную конфигурацию.

Во-первых, Порядок утверждается в статусе доминирующего принципа, легитимированного через апелляцию к сакральным основаниям бы-

тия и закрепленного в жестких иерархических структурах и нормативных актах. Во-вторых, компонент Энергии подвергается системной канонизации: индивидуальный харизматический потенциал сублимируется в функциональное служение институту, а коллективные аффективные состояния канализируются посредством ритуальных практик, направленных на воспроизводство существующего статус-кво. В-третьих, Диаференсис подвергается последовательной редукции: любые проявления субъектной спонтанности, концептуальной дивергенции или структурных инноваций интерпретируются как онтологическая угроза системной целостности и подлежат элиминации. Платон в «Государстве» концептуализировал данную установку как базовое условие политической стабильности: «Любое новшество в образовании грозит величайшей опасностью всему государству» [11, с. 424].

Данная конфигурация, получившая свою экспликацию в исторических формах традиционных империй и сословных обществ, представляла собой метафизически завершенную, однако социально-статичную модель. Ее имманентная ограниченность, выраженная в неспособности к ассимиляции экспоненциально нарастающей сложности исторических и технологических процессов, послужила катализатором следующей фазы трансформации. В ходе этого процесса равновесие триады радикально дестабилизируется, что инициирует переход архетипа в состояние системного кризиса.

Исторические модификации баланса

Эпоха Модерна, понимаемая как специфический метафизический проект, фундированный на принципах субъективности и технологической рациональности, знаменует собой фундаментальный кризис традиционной конфигурации власти. Данный этап диагностируется как прогрессирующее нарушение динамического равновесия триадической модели: доминирование Порядка утрачивает сакральный фундамент, Энергия вступает с ним в деструктивный антагонизм, а Диаференсис подвергается латентным, технологически опосредованным формам редукции.

Процесс, определенный М. Вебером как «расколдовывание мира», означает системную десакрализацию оснований легитимности: «Судьба нашей эпохи с характерной для нее рационализацией и интеллектуализацией, и прежде всего расколдовыванием мира, заключается в том, что высшие благороднейшие ценности ушли из общественной сферы или в потустороннее царство мистической жизни, или в братскую близость непосредственных отношений отдельных индивидов друг к другу» [2, с. 707]. Порядок, лишенный трансцендентной санкции, стремится к самообоснованию через категорию рациональности, понимаемой как фор-

мально-логическая непротиворечивость и техническая эффективность. Власть трансформируется из сакральной иерархии в операциональный механизм. Эта гипертрофия имманентного Порядка порождает две конвергентные модели:

1. Тоталитарная идеология, когда Порядок реконструирует квазисакральную легитимность через рационально спроектированную утопию, где Энергия полностью функционализирована и мобилизуется через аффект страха или экстаза, а Диаференсис элиминируется как фактор системной дестабилизации.

2. Либеральная технократия, в которой Порядок манифестирует себя как нейтральная деполитизированная система процедур. Однако, как указывал Г. Маркузе, такая система осуществляет интеграцию через «репрессивную толерантность»: «Поглощение противоречия идеологией... создает гармонию, которая на самом деле является лишь карикатурой на примирение» [9, р. 32]. Здесь Диаференсис не уничтожается физически, но нейтрализуется через механизмы коммодификации (превращения протеста в товар) и маргинализации.

Эволюция пространственных метафор власти – от иерархической пирамиды к децентрализованной сети – отражает финальный триумф бессубъектного Порядка. Власть, по определению М. Фуко, более не локализуется в центре, но осуществляется «из бесчисленных точек в игре подвижных и неравновесных отношений» [14, с. 193]. В сетевой конфигурации, описанной М. Кастельсом, Порядок становится имманентным самой архитектуре информационных потоков: «Власть сетевой структуры оказывается сильнее власти над сетью» [7, с. 469].

В этой системе Энергия рассеивается в перманентной симуляции участия, а Порядок утрачивает антропоморфную субъектность, становясь анонимным протоколом. Ж. Делёз концептуализировал этот переход как становление «обществ контроля», приходящих на смену дисциплинарным институтам: «Нам предстоит иметь дело не столько с машинами-энергоносителями, сколько с машинами третьего типа – с информационными машинами и компьютерами, чья опасность заключается уже не в апатии, а в преследовании и контроле, становящихся “плавающими” и непрерывными» [5, с. 230].

Таким образом, Модерн завершается превращением власти в имманентный алгоритм. Гипертрофированный Порядок, окончательно отчужденный от витальной Энергии и тотально подавляющий Диаференсис, подготавливает переход к завершающей стадии – Власти-как-Платформе, где триадический дисбаланс перерастает в полноценный метафизический психоз системы, утратившей внешнюю референцию.

Феноменология кризиса триадического баланса в эпоху алгоритмического протокола

Прогрессирующая диссоциация элементов триадической структуры, достигшая в условиях позднего Модерна состояния непримиримого антагонизма между гипертрофированным, самодостаточным Порядком и редуцированной до инструментальной функции Энергией, при тотальной супрессии Диаференсиса, порождает не частную дисфункцию, а системный кризис целостности архетипа. Данный кризис подлежит описанию не в психопатологических, а в структурно-феноменологических категориях как процесс имманентной дезинтеграции, где каждый элемент, утративший связь с другими, обнаруживает свою собственную, автономную и разрушительную логику.

Автономизация Порядка. Порядок, в отрыве от легитимирующей Энергии и обновляющего Диаференсиса, претерпевает трансформацию из средства структурирования реальности в самоцель. Его имманентная логика сводится к бесконечному, циклическому воспроизводству собственных процедуральных форм. Результатом становится возникновение замкнутой процессуальной реальности, где бюрократический или алгоритмический аппарат функционирует исключительно для подтверждения собственной операциональной состоятельности. Действительность редуцируется до совокупности санкционированных к вводу данных и предустановленных протоколов их обработки. В этом состоянии Порядок проявляет онтологическую агрессию по отношению ко всему, что не может быть в него инкорпорировано без остатка, т. е. по отношению к самой возможности события, новизны, непредсказуемости (Диаференсису). Его существование становится симулякрот системности, лишенным внешней референции и смысла, кроме поддержания самого процесса симуляции.

Инструментализация Энергии. Энергия, лишенная связи с трансцендирующим основанием (сакральным) и подчиненная всецело целям автономного Порядка, подвергается полной функционализации. Ее роль сводится к генерации и канализации аффектов, необходимых для перформативного поддержания системы. В отсутствие подлинного источника веры легитимность производится через негативную идентификацию – мобилизацию на основе консолидации против конституированного Другого (внешней или внутренней угрозы).

Этот процесс, описанный Карлом Шмиттом как различение друга и врага, в данной конфигурации лишается своего политического содержания и становится техникой аффективного менеджмента. Враг дематериализуется, превращаясь в виртуальную конструкцию, «мифологему угрозы», необходимую для периодической реактивации лояльности. Таким обра-

зом, Энергия утрачивает свойство связующей, смыслопорождающей силы и редуцируется до уровня управляемого ресурса в рамках процедур Порядка, что ведет к ее постепенной семантической энтропии.

Тотальная супрессия Диаференсиса. Наиболее катастрофическим следствием описанного дисбаланса является не просто ослабление, а систематическая и превентивная элиминация Диаференсиса. В системе, где Порядок стал самодостаточным, а Энергия – инструментальной, любое проявление спонтанности, радикальной новизны, инаковости или непредсказуемого события воспринимается не как политический вызов, а как онтологическая помеха, как шум, нарушающий чистоту процессуального цикла. Подавление осуществляется не только репрессивно, но и (что более существенно) превентивно: через алгоритмическое предсказание и нейтрализацию потенциальных отклонений, создание сред, исключающих саму возможность возникновения непротоколируемого события (от социального рейтинга до персонализированных цифровых интерфейсов).

Результатом такой тотальной супрессии является прогрессирующая гомогенизация системной среды. Исчезают градиенты, различия, потенциалы – все, что составляет условие возможности обмена, развития и в конечном счете самой жизни системы. Социальное и смысловое поле выравнивается, приближаясь к состоянию термодинамического равновесия, характеризующегося максимальной энтропией и отсутствием качественных преобразований. Это и есть метафизическая форма системной смерти: не взрыв, а затухание, не революция, а необратимое окостенение.

Указанная структурная дезинтеграция архетипа находит свое эмпирическое выражение в различных, но типологически родственных конфигурациях, где доминирует один из диссоциированных элементов триады (предложенные конструкты отвлекаются от идеологического наполнения и фиксируют чистые формы отношения между элементами триады, а их историческая конкретность важна лишь как доказательство того, что предложенная модель способна описывать различные траектории к одному метафизическому тупику).

В случае технократического авторитаризма (на примере КНР) наблюдается абсолютная гегемония автономного Порядка. Система стремится к тождеству с тотальной процессуальной реальностью, где жизнь индивида и социума становится полностью прозрачной, предсказуемой и управляемой переменной в алгоритмических уравнениях. Энергия редуцирована до показателей эффективности и ностальгических нарративов, Диаференсис элиминируется на стадии потенции.

В конфигурации плюралистической демократии позднего образца (на примере США) доминирует инструментализированная Энергия, распадающаяся на множество конкурирующих аффективных потоков. Леги-

тимность, утратившая универсальное основание, дробится между несоизмеримыми по идентичности группами, каждая из которых вырабатывает собственную «мифологему угрозы». Порядок существует как поле борьбы этих партикулярных энергий, а Диаференсис хотя и не уничтожается физически, но подвергается системной нейтрализации через механизмы коммодификации, маргинализации и интеграции в качестве декоративного элемента плюралистического спектакля.

В модели гибридного режима (на примере РФ) имеет место симбиоз автономного Порядка и инструментальной Энергии, где первый обеспечивает базовую стабильность через контроль, а вторая мобилизуется *ad hoc* для легитимации этого контроля через перманентную негативную консолидацию. Диаференсис подавляется наиболее традиционными (силовыми) методами, что ведет к архаизации и изоляции системы.

Несмотря на феноменологические различия, все три случая демонстрируют универсальную логику распада триадического единства. Повсеместно Диаференсис подвергается супрессии, что лишает систему внутреннего источника трансформации и обрекает ее на движение к одной из форм метафизического тупика: через абсолютную управляемость, внутренний раскол или изоляционную архаизацию. Кризис, таким образом, носит не акцидентальный, а конститутивный характер, являясь закономерным результатом реализации имманентной логики архетипа, направленной на отрицание собственного витального начала.

Власть-как-Интерфейс и генезис новой анонимности

Итогом описанного процесса системной дезинтеграции является не устранение феномена власти, но его радикальная трансформация в форму, представляющую собой метафизическое самоотрицание архетипа. Эта конечная стадия эволюции может быть концептуализирована как становление Власти-как-Интерфейса. Интерфейс здесь понимается не в узко техническом значении, а в философском – как опосредующая, трансцендентальная структура, которая не предписывает содержание, но априорно определяет условия возможности любого действия, коммуникации и восприятия внутри системы. Данная конфигурация знаменует окончательный разрыв с антропоморфными и персонифицированными формами власти, ее переход в состояние чистой, безличной опосредованности.

Историческая траектория, ведущая от сакрализованного Монарха через рациональное Государство-нацию к децентрализованной Сети, завершается исчезновением субъекта власти как такового. Власть-как-Интерфейс не принадлежит никому и не осуществляется из конкретного центра. Она имманентна самой архитектуре реальности – цифровой, правовой, урбанистической, коммуникационной. Ее материальным носителем вы-

ступает не трон или парламент, а протокол – совокупность алгоритмических правил, определяющих взаимодействие между элементами системы (пользователями, данными, институтами).

Как отмечал А. Галловей, «Протокол – это управляющая логика, действующая в распределенных сетях... Он представляет собой не столько внешнее принуждение, сколько технический стандарт, который определяет саму возможность взаимодействия» [17, р. 11], чья власть заключается в способности устанавливать стандарты, которым должно соответствовать все желающее быть подключенным. Легитимность такой власти покоится не на вере, традиции или рациональном соглашении, а на необходимости соответствия для получения доступа к ресурсам, сервисам, социальной видимости. Это легитимность функциональной совместимости.

Утверждение об «исчезновении субъекта» описывает не эмпирическое отсутствие архитекторов платформ, но метаморфозу субъектности в структурный принцип. Безличность протокола – не отмена власти, а ее высшая форма, где господство маскируется под объективную логику инфраструктуры или нейтральность алгоритма. Архитекторы стремятся не к персональному правлению, а к созданию самовоспроизводящихся систем, легитимирующих себя как техническую необходимость. Таким образом, «исчезновение субъекта» есть не конец власти, а ее совершенная симуляция собственного отсутствия – финальная стадия архетипического бегства от ответственности и видимости. Это не онтологический вакуум, а деполитизированный режим господства, где критика лишается адресата, упираясь в «удобный дизайн» или «оптимальный алгоритм».

В этой форме три начала триады претерпевают окончательную редукцию.

Порядок полностью растворяется в дизайне среды. Он перестает быть совокупностью запретов или команд, становясь инфраструктурной предопределенностью. Дорожная разметка, архитектура панельного дома, алгоритм выдачи поисковых результатов, дизайн соцсети – все это суть априорные условия, направляющие поведение с большей неотвратимостью, чем любой закон.

Энергия трансформируется в метрику вовлеченности. Легитимность измеряется и производится через количественные показатели: рейтинги одобрения, уровень лояльности, индекс удовлетворенности пользователей, КРІ эффективности. Аффект, ранее питавший сакральную связь, редуцируется до «лайка», акта потребления или подписки. Сакральное жертвоприношение замещается транзакцией.

Диаференсис не просто подавляется, он становится эпистемологически невозможным в рамках логики интерфейса. Интерфейс по определению предлагает конечный набор опций, редуцируя континуум возможного

к дискретному меню выбора. Подлинное событие, радикальная новизна, невыразимое инакомыслие не могут быть представлены в его терминах. Они либо маркируются как «ошибка», «сбой системы», «вредоносный контент», либо (что происходит чаще) остаются невидимыми, так как не имеют соответствующего интерфейсного представления. Таким образом, отрицание Диаференсиса достигает своей абсолютной формы: он исключается не из пространства дозволенного, а из самого горизонта мыслимого.

Парадоксальным и трагическим итогом этой эволюции становится разрешение изначального экзистенциального Ужаса, породившего архетип власти. Ужас перед неструктурированным Хаосом не был побежден; он был технически упакован и трансформирован в управляемую среду. Алгоритмический интерфейс предлагает бесконечную кастомизацию, персонализацию опыта, создавая для каждого пользователя иллюзию уникального пути в рамках заранее предопределенного лабиринта. Это состояние Ж. Делёз предвидел как торжество обществ контроля, где «человек более не заключенный, но должник». Неопределенность не устраняется, но становится расчетливым риском, объектом вероятностного моделирования и хеджирования. Изначальный Ужас растворяется в бесконечном потоке опций, уведомлений, развлечений и микро-решений, предлагаемых интерфейсом, – в цифровом аналоге *opium* для народа.

Власть-как-Интерфейс, таким образом, достигает апогея своей эффективности и одновременно – полной метафизической пустоты. Она всемогуща, но бесцельна; всеведуща (в смысле сбора данных), но лишена понимания. Она есть чистая, самореферентная операциональность. Вопрос «Кто властвует?» теряет смысл, уступая место вопросу «Каковы параметры системы?». Властвует анонимный протокол, чья единственная имманентная цель – оптимизация собственного функционирования и расширение зоны своего применения. Человек в этой системе более не подданный, гражданин или товар – он пользователь, чья свобода сводится к выбору из предложенного набора, а сопротивление – к переходу на конкурирующую, но гомологичную платформу.

Самотрансценденция архетипа в форму Интерфейса, по-видимому, закрывает исторический цикл, начавшийся с шаманского ритуала. Однако диалектика отрицания содержит в себе возможность нового синтеза, который, однако, не может быть простым возвратом к прошлым формам. Выход из тупика Власти-как-Интерфейса предполагает не реформу системы, а радикальную реабилитацию Диаференсиса, признание его онтологического первенства. Это означает переход от парадигмы контроля к парадигме сложности, где непредсказуемость и событие рассматриваются не как угрозы, а как необходимые условия жизнеспособности любой системы, включая социальную.

Философские основания для такого поворота можно обнаружить в традициях, утверждающих примат становления над бытием, различия над тождеством (от Гераклита до Делёза). Практически это может означать легитимацию форм социальности, основанных не на иерархическом подчинении или рыночном обмене, а на горизонтальном ассамбляже сингулярностей, где связь поддерживается не властным отношением или контрактом, а актом совместного творчества, этикой заботы или политикой дружбы (как у Аристотеля или у Фуко позднего периода). Это сфера не Власти, но Потенциала, не Интерфейса, но События.

Таким образом, диагноз, поставленный архетипу власти, звучит однозначно: исчерпав свою историческую форму, он завершает цикл, придя к самоотрицанию в алгоритмическом протоколе. Однако это отрицание содержит в себе семя возможного преодоления – не через усвершенствование механизмов контроля, а через коперниканский переворот, помещающий в центр не стабильность Порядка и не мобилизацию Энергии, а творческую, непредсказуемую мощь Дифференсиса. Будущее, если оно возможно за пределами Интерфейса, принадлежит не новому Левиафану, но множеству сингулярных и конечных форм совместного бытия, способных удерживать напряжение между порядком, смыслом и свободой, не подавляя ни одно из этих начал. Рождение такого «пакта со свободой», если оно состоится, будет означать не конец истории, но конец определенной истории власти и начало иного, пока еще не названного способа организации человеческого общежития.

Заключение

Проведенный метафизический анализ феномена власти позволяет сформулировать ряд системных выводов, вытекающих из предложенной триадической модели и ее историко-феноменологической верификации.

1. Феномен власти не может быть адекватно постигнут в рамках дуалистических или диалектических схем (господство/подчинение, сила/легитимность, порядок/хаос). Его конститутивной основой является динамическое равновесие трех имманентных начал: Порядка (структуры), Энергии (легитимности) и Дифференсиса (источника обновления). Устойчивость системы определяется не доминированием одного элемента, а их взаимным опосредованием и напряжением.

2. Эволюция архетипа от архаических форм к современности представляется не как прогресс, а как история прогрессирующего нарушения триадического баланса. Этот процесс движим изначальной ориентацией власти на экзистенциальное отрицание Хаоса, что метафизически предопределяет тенденцию к гипертрофии Порядка, инструментализации Энергии и систематической супрессии Дифференсиса. Каждая историческая фаза (са-

кральная монархия, национальное государство, идеологический тоталитаризм, либеральная технократия) демонстрирует специфическую конфигурацию этого дисбаланса.

3. Системный кризис власти в XXI веке является не временной дисфункцией, а закономерным результатом реализации ее имманентной логики. Достигнув технологической способности к тотальному контролю (алгоритмизация, Big Data, биополитика), власть окончательно утрачивает субъектность и смысл, трансформируясь в Власть-как-Интерфейс – безличный, анонимный протокол, чье существование сводится к оптимизации собственного функционирования. В этой форме триада окончательно распадается: Порядок становится инфраструктурной предопределенностью, Энергия – метрикой вовлеченности, а Диаференсис – эпистемологически невозможным. Это и есть акт метафизического самоотрицания архетипа: достигнув абсолютной операциональности, он теряет свою сущность.

4. Сравнительный анализ различных политических режимов (технократический авторитаризм, плюралистическая демократия, гибридная модель) подтверждает не идеологический, а структурный характер кризиса. Во всех случаях наблюдается доминирование одного диссоциированного элемента триады (автономного Порядка, инструментальной Энергии или их симбиоза) при тотальной или почти тотальной супрессии Диаференсиса. Различие заключается лишь в феноменологии пути к системному тупику: через абсолютную управляемость, внутреннюю фрагментацию или изоляционную архаизацию.

Исчерпанность исторического цикла архетипа власти, основанного на отрицании Хаоса, ставит вопрос о возможности и условиях антропологического и социального бытия за его пределами. Ответ не может заключаться в реформировании или усовершенствовании институтов Власть-как-Интерфейса, ибо это означало бы интенсификацию логики, ведущей к самоуничтожению. Трансценденция данного тупика мыслима только через радикальную реабилитацию того начала, которое было систематически подавлено, – Диаференсиса.

Это предполагает не хаотизацию, а фундаментальный коперниканский переворот в социальной онтологии: признание того, что не Порядок является условием возможности жизни, а, напротив, жизнь как становление, событие, творческий потенциал (Диаференсис) является условием возможности любого устойчивого Порядка. Порядок и Энергия должны быть переосмыслены не как первичные, самодостаточные сущности, а как временные, конечные и служебные формы, возникающие из сложного взаимодействия сингулярностей и подлежащие постоянному пересмотру.

Практически такая реабилитация может означать переход от парадигмы суверенной власти и рыночного обмена к парадигмам, основанным на:

– Логике дара и взаимности (М. Мосс), где связь устанавливается не через контракт или принуждение, а через безвозмездное дарение и обязательство ответного жеста.

– Этике заботы (К. Гиллиган, Дж. Тронто), где центральным становится не право или интерес, а уязвимость и ответственность за Другого.

– Политике дружбы и ассамбляжа (поздний Фуко, неомарксистские теории общего), где коллективное действие рождается из совместного творчества и разделяемой практики, а не из делегирования полномочий представителю.

Рождение такого нового антропологического пакта, основанного не на страхе перед Хаосом, а на доверии к творческому потенциалу становления, было бы равнозначно концу истории власти в ее классическом, метафизически определенном понимании. Это не утопическая проекция, а необходимое условие выживания сложных социальных систем в эпоху, когда их вызовы (экологические, технологические, смысловые) более не могут быть решены через усиление контроля.

Будущее, если оно состоится, принадлежит не новому Левиафану, цифровому или иному, но множеству конечных, хрупких и самоорганизующихся форм сосуществования, способных удерживать в напряженном равновесии необходимость порядка, жажду смысла и непредсказуемую свободу события. Задача философской мысли сегодня – не описать очередную метаморфозу власти, а помыслить условия возможности этого иного пакта, начало которому, быть может, уже положено в тех «интерстициальных пространствах», маргинальных практиках и молчаливых солидарностях, которые остаются невидимыми для всевидящего ока Интерфейса.

Литература

1. Блок М. Короли-чудотворцы: Очерк представлений о сверхъестественном характере королевской власти, распространенных преимущественно во Франции и в Англии / пер. с фр. В.А. Мильчиной. – М.: Языки русской культуры, 1998. – 711 с.
2. Вебер М. Наука как призвание и профессия // Вебер М. Избранные произведения. – М.: Прогресс, 1990. – С. 707.
3. Вебер М. Хозяйство и общество: очерки понимающей социологии. В 4 т. Т. 1. – М.: ВШЭ, 2016. – 448 с.
4. Гоббс Т. Левиафан, или Материя, форма и власть государства церковного и гражданского // Гоббс Т. Сочинения. В 2 т. Т. 2. – М.: Мысль, 1991. – 544 с.
5. Делёз Ж. Post scriptum к обществам контроля // Делёз Ж. Переговоры, 1972–1990 / пер. с фр. В.Ю. Быстрова. – СПб.: Наука, 2004. – С. 226–233.

6. Канетти Э. Масса и власть / пер. с нем. Л.Г. Ионина. – М.: АСТ, 2014. – 574 с.
7. Кастельс М. Информационная эпоха: экономика, общество и культура / пер. с англ. под ред. О.И. Шкаратана. – М.: ГУ ВШЭ, 2000. – 608 с.
8. Луман Н. Власть / пер. с нем. А.Ю. Антоновского. – М.: Праксис, 2001. – 256 с.
9. Маркузе Г. Одномерный человек / пер. с англ. А.А. Юдина. – М.: REFL-book, 1994. – 368 с.
10. Ницше Ф. По ту сторону добра и зла // Ницше Ф. Полное собрание сочинений. В 13 т. Т. 5 / пер. с нем. Н. Полилова. – М.: Культурная революция, 2016. – 416 с.
11. Платон. Государство // Платон. Собрание сочинений. В 4 т. Т. 3. – М.: Мысль, 1994. – С. 79–420.
12. Фейербах Л. Сущность христианства // Фейербах Л. Избранные философские произведения. В 2 т. Т. 2. – М.: Госполитиздат, 1955. – 943 с.
13. Фуко М. Воля к знанию // Фуко М. Воля к истине: по ту сторону знания, власти и сексуальности. Работы разных лет / пер. с фр. С. Табачниковой. – М.: Касталь, 1996. – С. 97–268.
14. Фуко М. Надзирать и наказывать: Рождение тюрьмы. – М.: Ad Marginem, 1999. – 480 с.
15. Хайдеггер М. Бытие и время. – М.: Академический проект, 2015. – 460 с.
16. Derrida J. Différance // Derrida J. Margins of Philosophy / transl. by A. Bass. – Chicago: University of Chicago Press, 1982. – P. 1–27.
17. Galloway A.R. Protocol: How Control Exists After Decentralization. – MIT Press, 2004. – 288 p.

References

1. Bloch M. *Les Rois Thaumatourges: Étude sur le Caractère Surnaturel Attribué à la Puissance Royale, Particulièrement en France et en Angleterre*. Gallimard, 1983 (Russ. ed.: Blok M. *Koroli-chudotvortsy: Ocherk predstavlenii o sverkh"estestvennom kbaraktere korolevskoi vlasti, rasprostranennykh preimushchestvenno vo Frantsii i v Anglii*. Moscow, Yazyki russkoi kul'tury Publ., 1998. 711 p.).
2. Weber M. Nauka kak prizvanie i professiya [Wissenschaft als Beruf]. Weber M *Izbrannye proizvedeniya* [Selected works]. Moscow, Progress Publ., 1990, p. 707. (In Russian).
3. Weber M. *Khozyaistvo i obshchestvo: ocherki ponimayushchei sotsiologii*. V 4 t. T. 1 [Wirtschaft und Gesellschaft: Grundriß der verstehenden Soziologie]. Moscow, HSE Publ., 2016. 448 p. (In Russian).
4. Hobbes T. *Leviathan, ili Materiya, forma i vlast' gosudarstva tserkovnogo i grazhdanskogo* [Leviathan, or The Matter, Forme and Power of a Commonwealth Ecclesiasticall and Civil]. Hobbes T. *Sochineniya*. V 2 t. T. 2 [Works. In 2 vol. Vol. 2]. Moscow, Mysl' Publ., 199. 544 p. (In Russian).

5. Deleuze G. Post scriptum k obshchestvam kontrolya [Post-scriptum sur les sociétés de contrôle. Deleuze G. *Peregovory, 1972–1990*. St. Petersburg, Nauka Publ., 2004, pp. 226–233. (In Russian).
6. Canetti E. *Massa i vlast'* [Masse und Macht]. Moscow, AST Publ., 2014. 574 p. (In Russian).
7. Castells M. *Informatsionnaya epokha: ekonomika, obshchestvo i kul'tura* [The Information Age: Economy, Society and Culture]. Moscow, HSE Publ., 2000. 608 p. (In Russian).
8. Luhmann N. *Vlast'* [Macht]. Moscow, Praxis Publ., 2001. 256 p. (In Russian).
9. Marcuse H. *Odnomernyi chelovek* [One-Dimensional Man]. Moscow, REFL-book Publ., 1994. 368 p. (In Russian).
10. Nietzsche F. Po tu storonu dobra i zla [Jenseits von Gut und Böse]. Nietzsche F. *Polnoe sobranie sochinenii*. V 13 t. T. 5 [Complete Works. In 13 vol. Vol. 5]. Moscow, Kul'turnaya revolyutsiya Publ., 2016. 416 p. (In Russian).
11. Plato. Gosudarstvo [State]. Plato. *Sobranie sochinenii*. V 4 t. T. 3 [Complete Works. In 4 vol. Vol. 3]. Moscow, Mysl' Publ., 1994, pp. 79–420. (In Russian).
12. Feuerbach L. Sushchnost' khristianstva [Das Wesen des Christentums]. Feuerbach L. *Izbrannye filosofskie proizvedeniya*. V 2 t. T. 2 [Selected philosophical works]. Moscow, Gospolitizdat Publ., 1955. 943 p. (In Russian).
13. Foucault M. Volya k znaniyu [The Will to Knowledge]. Foucault M. *Volya k istine: po tu storonu znaniya, vlasti i seksual'nosti. Raboty raznykh let* [The Will to Truth: Beyond Knowledge, Power, and Sexuality. Works from Various Years]. Moscow, Kastal' Publ., 1996, pp. 97–268. (In Russian).
14. Foucault M. *Surveiller et Punir: Naissance de la Prison*. Gallimard, 1975 (Russ. ed.: Fuko M. *Nadzirat' i nakazyvat': Rozhdenie tyur'my*. Moscow, Ad Marginem Publ., 1999. 480 p.).
15. Heidegger M. *Sein und Zeit* [Being and Time]. Tübingen, Niemeyer, 1993 (Russ. ed.: Khaidegger M. *Bytie i vremya*. Moscow, Akademicheskii proekt Publ., 2015. 460 p.).
16. Derrida J. Différance. Derrida J. *Margins of Philosophy*. Transl. by A. Bass. Chicago, University of Chicago Press, 1982, pp. 1–27.
17. Galloway A.R. *Protocol: How Control Exists After Decentralization*. MIT Press, 2004. 288 p.

Статья поступила в редакцию 02.02.2026.

Статья прошла рецензирование 11.03.2026.

The article was received on 02.02.2026.

The article was reviewed on 11.03.2026.